

тов в Саратовскую область, становится нарастание этнофобий и ксенофобий. Хотя этот процесс фиксируется повсеместно и не только в России, особую озабоченность вызывают два обстоятельства: динамика и избирательность фобий местных жителей по отношению к определенным этническим группам [2].

Причины данного явления достаточно изучены: по результатам многочисленных исследований, негативное отношение к мигрантам, и особенно к иноэтничным иммигрантам, связывают с ростом преступности, распространением наркотиков, конкуренцией на рынках труда и жилья, осложнением санитарно-эпидемиологической обстановки, криминализацией бизнеса, нежеланием считаться с традициями и обычаями, бытующими среди жителей области [3, с. 200]. С одной стороны, этнофобии и ксенофобии, как и все фобии, являются производными от страха утраты ресурсов, с другой – выступают следствием опасений утраты собственной идентичности.

В целях анализа текущей этносоциальной ситуации в ноябре – декабре 2012 г. было проведено этносоциологическое исследование в 13 районах Саратовской области, направленное на изучение факторов, влияющих на трансформацию идентичности как мигрантов, так и принимающего населения. Выборка квотная, многоступенчатая, репрезентативная по полу, возрасту, уровню образования и занятости. Для расчета выборки использовались данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Объем выборки – 3800 человек. Погрешность исследования не превышает 3%.

На наш взгляд, именно ценностно-мотивационные, деятельностные установки лежат в основе конфигурирования системы социальных (в том числе и этнических) отношений.

Этнокультурная самоидентификация индивидов – одна из важнейших характеристик человека, определяющих для него многие ориентиры в современном мире. У людей чувство общности так долго ассоциировалось с родным языком, культурой, национальными корнями, историей рода, что теперь очень сложно приспособить эту унаследованную идентичность к новым реалиям современной жизни, когда под прессом миграции меняется (иногда достаточно стремительно) структура населения не только отдельных городов, но и районов, регионов и уходит в прошлое привычная национально-культурная однородность.

Возникающее новое региональное сообщество объединяет множество людей с разными этническими корнями и происхождением. Космополитизм, присущий большинству крупных городов (с их атомизированностью социальной жизни, скоротечностью контактов, анонимностью отношений) продолжает развиваться. Крупные города по-прежнему остаются «культурным триггером», вырабатывающим общегородскую культурную идентичность [4, с. 45–48]. Однако малые города, муниципальные поселения, поселки городского типа и села с незначительной численностью населения и высокой индивидуализацией / персонализацией социальных контактов, яркой имущественно-территориальной дифференциацией до сих пор не способны выработать формулу толерантности, ориентированную на интегрирование новых этнических миграционных сообществ – носителей непривычных для местного населения инокультурных ценностей. Именно малые города, муниципальные поселения превращаются в со-

временной России, с одной стороны, в арену формирования новой национально-культурной политики, направленной на развитие общегражданской национальной идентичности, а с другой стороны – в площадку, где социальные этнические границы не просто реифицируются, но и становятся более чем реальными в бизнесе (в сферах занятости, формируя «расколотый рынок»), доступе к власти, социальным и образовательным ресурсам.

Таким образом, обратной стороной современной национально-культурной политики большей части регионов России стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения «привычной картины мира» и устоявшейся системы социальных ориентиров. Новое национально-культурное разнообразие, неосвоенное и не трансформированное в социальный капитал, становится опорой деструктивных процессов, почвой для социальных, межэтнических конфликтов. Волна этнокультурного самовыражения еще недавних мигрантов вызывает острую реакцию у большинства местных жителей, замешанную на обидах и многочисленных фобиях.

Необходимо признать, что расширение культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов в первую очередь) стало одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество. Большинство населения, по результатам проведенного исследования, оказалось не в состоянии проявить толерантность и принять в свое сообщество новых членов – носителей иных культурных ценностей, заведомо находящихся на более низкой социальной ступени, предоставить им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности.

При этом ключевым элементом, на который ориентируется государственная региональная национально-культурная политика, становятся общины диаспор, зарегистрированные как национально-культурные организации, объединения. Будучи контрагентами региональной власти в сфере реализации национально-культурной политики, диаспоры воспринимаются как конечные пункты социального, политического и экономического воздействия, вместо того чтобы рассматривать диаспору как общественную модель, создающую идентичность, которая может предложить некие коллективные ориентиры и создать общественные институты. Это вытекает из известного тезиса о том, что стиль диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов отношений – диаспоры, принимающей страны и страны исхода [5, с. 207–236]. Поскольку внутри принимающего общества социальная группа, принадлежащая к диаспоре, является всегда инородным телом, дальнейшее рассуждение должно идти об отдельных отличительных факторах, характерных для данной группы и отграничивающих ее от общества в целом.

Ключевым аспектом, требующим обязательного учета в анализе динамического процесса взаимодействия диаспоры со странами исхода и приема, выступает идентичность. Идентичность в чужой стране (стране приема) представляет собой процесс категоризации и оценки, который касается не только членов диаспоры, но и обществ исхода и проживания. Управление идентичностью в

диаспоре означает способность усиливать, скрывать или манипулировать собственными этносоциальными и этнополитическими признаками, чтобы создавать определенные впечатления, настроения и действия, создающие преимущества группе или минимизирующие вред в ходе ее взаимодействия с другими группами. Другими словами, управление идентичностью направлено на то, чтобы защитить свои интересы и свой собственный стиль жизни. В рамках диаспоры этот вопрос носит особенно сложный характер, поскольку стиль жизни и видение собственной группы постоянно находятся под вопросом.

Современные национальные государства, в том числе и Россия, представляют собой гетерогенные государства и сложные общества, которые расслоены статусно, мировоззренчески и этнически. Возникшие в связи с этим фрагментация мировоззрения и мультиэтническая дифференциация приводят к ситуации, для которой характерно критическое рассмотрение (и сомнения в оценке) собственной идентичности, что вызывает страх декультурации. Положение диаспоры затруднительно еще и потому, что ее члены из страха диффузии идентичности и «культурного онемения» вынуждены развивать свою собственную идентичность (идентичность диаспоры). В этом случае диаспора, по нашему мнению, организуется и сохраняется как защитное объединение. Тогда реактивируется коллективная память, и собственная история противопоставляется истории принимающего общества. Большинство отечественных и западных исследователей сходятся во мнении, что существование пространства диаспоры серьезно осложняет проблемы как принимающего сообщества, так и общества исхода [6; 7].

При этом местные жители не чувствуют потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывают дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, нарушающими их представления о «цивилизованных» нормах общения. Старожилы локальных сообществ воспринимают расширение культурного многообразия, как разрушение привычной картины мира, как внешние насилия и угрозу. В этих условиях возникает, скорее, потребность в самозащите, а не желание принять и защитить «иных».

Подобную реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты (особенно из числа прибывших из небольших поселений республик Средней Азии), пополняющие ряды общин диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с ее разнообразием, раскованностью, зачастую циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они просто шокированы состоянием «цивилизации», в которую планировали интегрироваться и с которой связывали будущее своих детей. У них свои взгляды и другие нормы, и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и использует массу культурных аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее.

Сложность ситуации определяется тем, что, по результатам собственных длительных исследований, существует устойчивая связь между разрывом социально-культурных и социально-экономических ожиданий этнических иммигрантских сообществ в отношении принимающей территории (местного населения, условий работы, интеграции в местное экономическое пространство

и т.д.) и результирующими социальными практиками местного населения в отношении инокультурных мигрантов. Существует также разрыв между ожиданиями местного населения по отношению к прибывающим мигрантам и социальным поведением (социальными практиками) инокультурных мигрантов. Уровень / структура разрыва между ожиданиями и фактической оценкой ситуации «здесь – и – сейчас», по сути, и является определяющим аспектом эффективности национально-культурной политики как на местном, так и на региональном уровнях.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование полностью подтверждает тезис, что существует устойчивая корреляция между уровнем / формами конфликтной активности (окрашенной в этнические тона) населения конкретной территории и уровнем / структурой относительной этнокультурной депривации населения данного региона.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе необходим глубокий социологический анализ факторов и условий, влияющих на формирование депривационного разрыва в системе этнокультурных отношений между принимающим населением и этническими миграционными сообществами, что, в свою очередь, воздействует на рост этносоциальной напряженности и ксенофобии, с одной стороны, и требованиями «особого» отношения – с другой.

Следует исходить из понимания, что ксенофобия – «естественная» реакция модернизирующегося общества на ослабление и / или ломку прежних этнотерриториальных, социальных и конфессиональных барьеров, разрушение аскриптивных границ, интенсивные процессы социальной мобильности и перемещения населения, усиление социальной и культурной дифференциации [8]. По сути, ксенофобия – это реакция жителей на воображаемые или реальные угрозы в ситуации, когда у них, по их мнению, ограничены ресурсы выживания или ограничены возможности сохранения своих позиций либо интересов.

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности рассматриваются объективированные и необъективированные притязания как принимающего населения, так и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обуславливает формирование претензионной депривации и, по нашему мнению, определяет характер этносоциальной напряженности.

Реализация данного подхода в системе регионального управления этносоциальными и этнополитическими процессами способна существенно повысить его эффективность, гибкость и оперативность. Декомпозиция «окна возможностей», формируемых принимающим населением в отношении мигрантов по социальной, культурной, экономической, политической плоскостям, и соответственно, встречная декомпозиция «окна желаний», формируемых инокультурными мигрантами, позволяет очертить как спектр возможных взаимных стратегий по (взаимной) интеграции, так и выявить с достаточной степенью досто-

верности проблемные точки взаимодействия, в которых происходит аккумуляция этносоциальной напряженности.

Так, исследование показало, что реальный уровень толерантности местного населения является невысоким. Местные жители (родившиеся в области или прожившие в регионе более 25 лет) в подавляющем большинстве своем сводят «возможности проявления» иммигрантов исключительно в сфере обслуживания, в области применения низкоквалифицированной рабочей силы, с минимальным уровнем оплаты труда и без права участия в социальной, культурной, политической жизни местных сообществ.

Иммигранты же, прибывая в регион, ожидают уважительного отношения к себе, как к равным партнерам, приемлемых условий труда и быта, возможности реализации своих культурных потребностей, пользования социальными лифтами (особенно это важно для тех, кто планирует остаться жить в России на длительный срок или на ПМЖ). Однако, начиная с пересечения границы, они испытывают на себе значительный законодательный, социальный и культурный пресс, что приводит к росту фрустрации, а в ряде случаев – к конфликтам с принимающей стороной.

Таким образом, можно сделать вывод, что совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения позволяет оценить потенциальные «болевые точки» как коллекторы этносоциальной напряженности. При этом одним из ключевых показателей станет «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности / [само]идентификации не как статичного объекта, а как процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ этнокультурной идентичности индивидов, как и [ре]конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества, в современных условиях неизбежно. Сегодня важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой адаптировались и интегрировались не только бы инокультурные иммигранты, но и местные жители были бы готовы к необратимому процессу расширения культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы этого процесса. В систему регионального управления национально-культурной политикой необходимо привнесение понимания, что интеграция – это двустороннее шоссе, что без активного участия населения Саратовская область не станет иммиграционно привлекательным регионом, что обратный процесс в купе с серьезными демографическими рисками включает риски и репутационные.

Библиографический список

1. Данные УФМС России по Саратовской области. URL: www.ufms-saratov.ru/press
2. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Факторы восходящей социальной мобильности представителей мигрантских этнических меньшинств в российских локальных социумах. М., 2006.
3. Мокин К.С. Саратовская область: местное население VS мигранты // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В. Степанова, В. Тишкова. М., 2008.
4. Вендина О.И. Культурное многообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Институт Кенана; под ред. Ж.А. Зайнчковской. М., 2009.

5. Тишков В. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3(12).
6. Доклад о развитии человека. 2009 // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ. М., 2009.
7. Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries / Central European University. Odessa, 2010.
8. Мокин К.С., Барышина Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.

O.Yu. Tarskaya, K.P. Afrikantov
Socio-Economic Consequences
of the Regional Population Ethnic
Composition Changes through
Migration (by the Example
of the Saratov Region)

Changes of the ethnic composition of the Saratov Region population in the years 2002–2011 are considered. The role of ethnic migration in the changes is revealed. The migratory situation in the Saratov Region and its peculiarities, prospects and consequences are analyzed.

Key words and word-combinations: migration, demographic situation, ethnic migration, social changes.

Рассматриваются изменения в этническом составе населения Саратовской области за 2002–2011 гг. Выявляется роль этнической миграции в данных изменениях. Анализируется миграционная ситуация в Саратовской области, ее особенности, перспективы развития и последствия.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, демографическая ситуация, этническая миграция, социальные изменения.

УДК 316.34 (470.44)
ББК 60.54 (235.54)

О.Ю. Тарская,
К.П. Африкантов

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
В РЕЗУЛЬТАТЕ МИГРАЦИИ
(на примере Саратовской
области)**

На современном этапе мирового развития миграция стала одной из наиболее актуальных по важности и остроте проблем, поскольку является в числе других значимой причиной перемен, происходящих сегодня в глобальном пространстве. Размах и интенсивность миграционных процессов в мире и значимость социальных изменений, которые в результате их действия привносятся в экономическую, политическую и социокультурную сферы общественной жизни – все это предопределяет повышенный интерес к теме миграции в современной науке.

Саратовская область находится на своеобразном «перекрестке» транспортных коммуникаций – воздушных и речных путей, железных и автомобильных дорог, соединя-